

Лауреат Сталинской премии, заслуженная артистка РСФСР Мария Ивановна Бабанова. Фото В. ИГНАТОВИЧА.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ЛАУРЕАТ
СТАЛИНСКОЙ
ПРЕМИИ

М. И. Бабанова

ЖИЗНЕННАЯ и творческая биография М. И. Бабановой — это биография художника, рожденного и вскормленного Октябрьской революцией.

«Я пришла в театр после Великой Октябрьской социалистической революции, — рассказывает сама М. И. Бабанова, — и мне не пришлось испытать на себе всей тяжести дореволюционной закулисной жизни. Мне не приходилось решать мучительных вопросов о совместимости искусства и политики, — наша театральная жизнь была уже перестроена на советский лад... Мы познавали новое мироощущение актера — гражданина своей героической страны. Мне часто приходилось слышать о том, как мало советские актрисы похожи на «настоящих» актрис. Это было для меня самой сладкой похвалой».

Отвечать своим искусством на великие революционные запросы жизни — в этом Бабанова видела свой долг артистки. И когда она вышла на сцену в образе дочери гординого в «Ревизоре» и Полинки в «Доходном месте», ей даже казалось, что она уклоняется от прямого ответа на запросы жизни.

Бабанова виртуозно играла легкомысленную, но не злую сердцем Полинку. Стояло вслушаться в стрекочущую речь Полинки, стоило всмотреться в ее легкие жесты, в ее вальсирующие житейские «па», чтобы увидеть в ней яркую по окраске бабочку-однодневку, беззаботно и праздно порхающую над жизненной тропой. Бабанова обворожительно передавала облик и характер этой бабочки, а сама думала, внутренне укоряя себя:

«Не примет ли меня зритель за

защитника этой пустой и легкомысленной Полинки?».

«И я наивно старалась, — говорит артистка, — подчеркнуть свое отношение к роли, боясь всего, что могло быть в ней привлекательного».

Эта «наивность» со временем исчезла у Бабановой, но навсегда осталась ее забота о том, чтобы ни на минуту не утратить дыхания современности во всем, что она делала на сцене.

Творческая оглядка на прошлое, зависимость от того, что уже было в искусстве, всяческая традиционность менее всего свойственны искусству Бабановой. Совсем не случайно то, что Бабанова — артистка Театра революции, у которого нет дореволюционного прошлого.

Искусство Бабановой было искусством прямого суда над жизнью: «Достичь острой политической направленности игаемого образа, быть адвокатом или прокурором роли, разбить зрительный зал на друзей и врагов — таковы были тогда наши задачи».

Искусство может судить и осуждать, искусство революционное обязано делать это. Но и прокурор имеет дело с живыми людьми и должен видеть на скамье подсудимых живых людей, а не отвлеченные схемы.

Бабанова это поняла, и ее искусство, сохранив свою критическую настроенность, свою искреннюю направленность против всего, что препятствует рождению и росту нового человека, приобрело жизненную полноту. Артистка нашла свой путь к живому, целостному человеку в полноте его бытия, во всей силе его устремлений к новым формам этого бытия.

нию, веселости на грусть, — в этом образе изнутри звучит и все себе подчиняет единая мелодия — любви, побеждающей все условные формы людских отношений, отменяющей все преграды сословной гордости и феодальной надменности. Освобождение человеческого в человеке, окутанном путями социальных предрассудков, — вот глубокая тема, воплощенная Бабановой в прекрасный образ ее Дианы.

Шекспир и Лопе-де-Вега были мощными союзниками замечательной артистки.

А. Арбузов, автор пьесы «Таня», был плохим союзником артистки, а может быть и не был им вовсе. Роль Тани, написанная автором, и образ Тани, созданный Бабановой, — это «две вещи несовместимые». Роль страдает жизненным художеством, которого нет и следа в сценическом образе Бабановой. У ее Тани есть трепетный пульс, родной по биению тысячам советских женщин, умеющих хорошо и прочно связать счастье личной жизни с широким счастьем сотворчества, с родной страной, строящей новую жизнь.

Образ Тани у Бабановой светит своей большой правдой и греет своим живительным теплом.

«Мы призваны нести культуру, вдохновлять людей на новые подвиги и зажигать их энтузиазмом», — писала Бабанова в 1938 году о высокой задаче, предъявленной советскому актеру. Эту задачу Бабанова всегда, с первых шагов на сцене, считала обязательной, — радостно обязательной для себя как артистки.

Как много Бабанова внесла в решение этой почетной задачи своих сил, таланта и искусства, — о том, неопровержимо свидетельствует лучший из отзывов, когда-либо сделанных о творчестве Бабановой, о том свидетельствует присуждение ей премии имени Сталина.

С. ДУРЫЛИН.

Восторгаясь тем живым лицом, которое возникло у Бабановой из схематичной роли Колокольниковой в пьесе «Мой друг», автор пьесы Погодин признается: «Колокольникову можно было писать дальше в большой комедии по эскизу, созданному актрисой». Актрисой, а не автором, — честно подчеркивает Погодин.

Бабанова здесь, как и во многих других подобных случаях, из сухого, малого зерна вырастила живой, ароматный росток образа. «Вырастила» — в этом слове заключено искусство садовника, его умное мастерство, его творческое терпение, его осторожно заботливый внимательность к началкам жизни, заключенным в зерне. Все эти черты живого мастерства художника природы ближе и вернее характеризуют мастерство Бабановой, чем обычные сравнения ее с ювелиром, тонко и затейливо чеканящим драгоценности.

Джульетта Бабановой (из трагедии Шекспира) не «вычеканена» в душной мастерской ювелира; она, как белая роза, выращена садовником, мастером благоухающей живой красоты, под синим небом юга.

Ее Джульетта не только поэтически обращается к жаворонку: она сама — этот жаворонек, поющий первую песню любви на вешней заре.

У Бабановой всегда есть мелодический подтекст сценической речи. Это дает Бабановой несравненную власть над ролями в стихах. Для большинства актеров роль в стихах — это добавочная трудность. Наоборот, для Бабановой стихи увеличивают радость творчества, умножая власть актера над образом.

Если бы отнять у ее Джульетты слова, мы услышали бы мелодию Джульетты, и в ней зазвучал бы ее светлый образ. Но если бы отнять даже и мелодию, Джульетта Бабановой не перестала бы существовать: остался бы ее пластический образ — чудесная шекспировская девушка продолжала бы жить в движении, в жесте, в ритме.

То же самое с другой классической ролью Бабановой — с графиней Дианой в «Собаке на сене» Лопе-де-Вега. В этом образе, разрабатанном с таким ослепляющим богатством деталей, показанном с такой смелой сменой лирики на иро-